

ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЛЮБВИ В ФИЛОСОФИИ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА

А. А. Битюцкая

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 мая 2022 г.

Аннотация: в статье обоснован этический аспект категории любви в философии Вячеслава Иванова, повлиявший на развитие русской философии XX в. В ходе исследования выявляется следующее. Во-первых, категория любви для Серебряного века – это «любовь дерзая», постулирующая обязанность жить. Во-вторых, любовь проявляется в Эросе. Эрос становится не только эстетической, но и этической категорией в Серебряном веке. В-третьих, самобытные воззрения Вячеслава Иванова сделают любовь главным лейтмотивом этики Серебряного века и повлияют на развитие русской философии.

Ключевые слова: любовь, этика, Серебряный век, Эрос, Вячеслав Иванов.

Abstract: the article substantiates the ethical aspect of the category of love in the philosophy of Vyacheslav Ivanov, which influenced the development of Russian philosophy of the XX century. The study reveals the following. Firstly, the category of love for the Silver Age is «daring love», postulating the duty to live. Secondly, love manifests itself in Eros. Eros becomes not only an aesthetic, but also an ethical category in the Silver Age. Thirdly, Vyacheslav Ivanov's original views will make love the main leitmotif of the ethics of the Silver Age and will influence the development of Russian philosophy.

Key words: love, ethics, Silver Age, Eros, Vyacheslav Ivanov.

В начале XX в. интенции поиска нового смысла любви были определяющим лейтмотивом. Каждый деятель Belle Époque стремился продемонстрировать свою концепцию. Василий Розанов видел в любви гендерное участие; Дмитрий Мережковский делал любовь фундаментом новой церкви; Владимир Соловьев возлагал на светлое чувство силу перехода в софийский мир; а Николай Бердяев видел проявление любви в творчестве. Самобытный взгляд был у Вячеслава Иванова.

Вячеслав Иванов – писатель, философ Серебряного века, оставивший яркий след в русской философии. Он видел в любви проявление божественной мудрости: «Вера, Надежда, Любовь – три дочери Мудрости, говорящей: “Познай самого себя”. Есть в человеке Я высшее, его святое святых, цель его постижения и предел приближения, божественное средоточие микрокосма. И есть я, определяемое границами эмпирической личности. Для первого Я второе – смерть, ибо воплощение – смерть для Бога; для второго, приближение к первому – тоска Психеи по огненной смерти. И есть, наконец, Все-Я, объемлющее вселенную. Верю стремиться к огненной смерти в первом Я, с надеждою зачинать во втором, любовью излучаться в третье – значит исполнить слово Мудрости; она

же учит закону Жизни. Поистине, три ипостаси Жизни: Смерть, Начало, Любовь. “Люби, зачинай, умирай” – триединая заповедь Жизни, нарушение которой отмщается духовным омертвлением. Ибо Любовь – Начало, и Начало – Смерть; и Любовь – Смерть, и Смерть – Начало. “Не уставляй зачинать, не преставай умирать” – вот чего требует от человека Любовь, которая и в микрокосме, как в Дантовом небе, “движет солнце и другие звезды”» [1, с. 86]. Как проявление божественной мудрости, любовь – категория эстетическая и категория этическая. Иванов уделяет большое внимание этике, пытаясь рассмотреть любовь как исключительно этическую категорию. Он исследует любовь как зачин творческого Эроса.

Любовь начала XX в. – это любовь дерзающая, вышедшая из ночной формы. Вячеслав Иванов делит любовь на добродетели: Тимос и Андреа. Тимос – это женская форма добродетели, формирующая мироздание; Андреа – это мужская ипостась, преобразующая мироздание. По Платону, мужественность – это солнечность, благодаря которой расцветает мир. Тимос и Андреа – проявления Эроса, спутники его действия.

Любовь становится витальной категорией, обязанностью индивидуального проживания. Любовь – это обязанность жить. Иванов подчеркивает, что категорию любви можно отнести к маскулинной добродетели. Коллеги философа рассматривали любовь как женственную категорию. Особенно был сильным образ – Божественной мудрости – Софии. Но Вячеслава Иванова это не устраивало, он сводит любовь в мир Диониса. Мужественный мир утверждает любовь через Логос. Мужество – это этическая ценность, которая требуется для подвига во имя любви. «Есть полузабытая в христианском мире добродетель: добродетель внутреннего дерзания, Тимос (τῆμος) древних, – доблесть искателей и ночных путников духа. <...> Добродетель внутреннего дерзания в нас есть добродетель солнечности, мужественная Андрэа (ἀνδρεία), как и по Платону мужественность – солнечность. И есть в нас земная планетарность наша, и добродетель планетарности: восприимчивость к свету, открытость Земли Небу, покорность наитию божественному, наша женская, наша религиозная в собственном смысле этого слова душа, поскольку религиозное чувство есть Шлейермахерово “сознание зависимости нашей”, просветленное смирение тварности (“Creatürlichkeit” германских мистиков), радостный ответ Духу: “се, раба Господня”, верное ожидание Жениха во полнощи. Напротив, солнечность наша – начало самоутверждающееся и богоборствующее...» [там же, с. 87].

Дихотомия любви в виде добродетели не удовлетворяет ивановский запрос, поэтому он начинает анализировать Эрос, беря за начало поиска Грецию.

Вячеслав Иванов возвращается к античности, а именно – к Платону. Он рассматривает понятия, созданные греческим философом. Тенденции трактовки Эроса в XX в. были популярны: Эрос становится главным символом Серебряного века. Его внимание приковано к рассмотрению любви как эсхатологической категории. Для философа самость любви менее важна, чем чистый и самобытный многоликий Эрос.

Эрос – это этический аспект долженствования человеческого Я. Но философ и не упускал из виду, что Эрос – это еще и эстетическое начало: «Тот же извечный Эрос Невозможного, божественнейшее наследие и печать человеческого духа. Но отрешенный, белый разрыв с зеленым долом – еще не красота. Божественное благо, и нисходит, радуясь, долу. Достигнув заоблачных тронов, Красота обращает лик назад – и улыбается земле» [2, с. 654].

Эрос – важное начало для многих сфер жизни. Во всех основах метафизических субстанций заложена эротическая категория. Любовь, по мнению философа, – это словесное выражение творчества. Именно творческий порыв формирует стремление к созданию этического Я индивида. Лейтмотивом выступает Эрос Невозможного. «Из избытка своей безграничности Божественное пожелало невозможного. И невозможное совершилось: Божественное забыло себя и опозналось раздельным в мире граней. Кто выведет его из граней? Тот же извечный Эрос Невозможного, божественнейшее наследие и печать человеческого духа» [3, с. 525].

Эрос Невозможного – это попытка иного поиска мира, выход за пределы своей сущности, легитимная трансцендентность для жителя Belle Époque. Эрос проявляется в сублимации, в жажде к творческому порыву. «...есть Эрос Невозможного. Эта любовь к невозможному – принцип всей религиозной жажды, всей творческой фантазии, всех порывов и дерзновений, совершавшихся донныне под знаменем “Excelsior” (“Все выше”), – есть патетический принцип современной души» [там же, с. 90].

Любовь – это акт со-общения. Со-общение священного таинства любви, выраженное в слове. Слово как средство коммуникации между двумя индивидами. Иванов видит в со-общении троичную структуру: «Я-Ты-Третий». Третий – это непосредственный Эрос, символ связывания различного сознания, как прорыв в иной мир. Главная загадка в данной схеме – тайнодействие духа. Как раскрывается дух в связке «Я-Ты»?

Философ начинает видеть духовное раскрытие в красоте: «На скале Сфинкса лучится Эрос, который “рождает в красоте”, – и всякий обогащен восстановленною полнотой страстного устремления ко всему, что человек плотью и духом. Ему надлежит только, по мысли Платона, возвышаться от любви к прекрасным телам до влюбленности в прекрасную душу, до созерцания вечных идей, до последней любви – к Единому» [1, с. 78]. Всё коррелируется красотой, она становится главным проводником в мир любви. Красота – незримый помощник Эроса.

Эрос становится актом действия. Человеку нужно действовать (быть актором), чтобы выйти и явить себя в мир любви. Любовь – это легитимный выход к экзистенции. Вячеслав Иванов делает ремарку на невозможность свободного выхода за пределы своего существования в Серебряном веке из-за ортодоксального догмата. Поэтому мыслитель подчеркивает, что Эрос – это легитимная возможность соприкосновения с трансцендентным. Как нравственный принцип, любовь – это прагма-

тическая этика. Ведь любовь является этической предпосылкой жизни. Этика XX в. была этикой жизнетворчества. Витальность любви объединяет душу и любовь, Эрос и Психею, слово и Логос. Этика по средству любви становится базой для жизнетворчества: «Человек живет для ушедших и грядущих, для предков и потомков вместе. Его личность ограничена этою двойною связью преемственности. Каждое мгновение изменяет всё, ему предшествовавшее во времени. Отсюда – обязанность жить – обязанность единственная. Ибо “обязанность” – “связь”. Учение о том, как жить, – ложная этика. Личность свободна в пределах одного Да жизни. Все Нет должны быть утверждением одного Да. Этика – учение об истинном Да» [там же, с. 85].

Любовь утверждает жизнь, формирует этический порядок и выводит духовность на авансцену. Философ смело постулирует любовь как способ организации мира Серебряного века, любовь как жизненную силу.

«Кто не любит, мертв. Жизнь, это – любовь. “И жизнь – свет человек”... Эрос ведет за руку по своим садам Психею, планетную душу человека: таким видели Слово (Логос) художники катакомб» [там же, с. 88].

Любовь всегда рассматривалась как этическая категория, но Иванов делает акцент на том, что XX век ознаменован новой этической «эротикой»: «Этика как бы не существует более в современном сознании обособленную от эстетики, с одной стороны, от религии – с другой. Ритм нашего долженствования определяется ритмом красоты в нашей душе; его содержание – нашим религиозным ростом и творчеством. Распадение этики на эстетику и религию было бы окончательным, если бы цельный состав ее не восстанавливался присутствием начала, равно общего эстетике и религии, равно коренного и исходного для обеих: это начало – Эрос. Итак, в строе новой души этика является эротикой, и правее могла бы именоваться эротикой» [там же, с. 89].

Любовь – это подлинное событие, тайнодействие. Святое действие, окутанное флёром метафизики. Любовь побеждает смерть и утверждает жизнь, но она требует подвига и искренности. Эрос являет себя в любви только при условии событийности, как дар. Материя открывается с помощью дара, происходит переход в трансцендентность:

На подвиг вам божественного дара
Вся мощь дана:
Обретшие, вселенского пожара
Вы – семена!..
Дар золотой в его бросайте море –
Своих колец:
Он сохранит в пурпуровом просторе
Залог сердец. [2, с. 75]

Любовь утверждает бытие Другого и заставляет проявлять экстатическое действие. Любовь, как попытка перехода к мистерии, возведет Эрос в ранг сакральности. Эрос проецирует в мир экстаз: любящего и любимого. Эрос постулирует желание любви как данность, схваченную

в моменте (событии). Позднее Эрос станет главным героем в мире Диониса [4].

Таким образом, открытие ликов Эроса презентует новое понимание этики и делает категорию любви главным импульсом интеллигенции Серебряного века. Ярко проиллюстрирована будет категория любви в поэзии и живописи начала XX в., например, в работах Михаила Врубеля и Бориса Пастернака. Вячеслав Иванов не закончил свою систему Эроса, перейдя к изучению мира Диониса [5]. Его неоконченная парадигма повлияет на развитие этической сферы русской философии. Ивановские интенции будут подхвачены русскими мыслителями в эмиграции.

Литература

1. *Иванов Вячеслав Иванович* (1866–1949). Родное и вселенское : [сборник] / Вячеслав Иванов ; [сост., вступ. ст. и прим. В. М. Толмачева]. – М. : Республика, 1994. – 428 с.
2. *Иванов В. И.* Собр. соч. : в 4 т. / В. И. Иванов. – Брюссель : [Foyer Oriental Chrétien], 1974. – Т. 1. – 870 с.
3. *Иванов В. И.* Собр. соч. : в 4 т. / В. И. Иванов. – Брюссель : [Foyer Oriental Chrétien], 1974. – Т. 3. – 654 с.
4. *Соловьев В.* Смысл любви : избранные произведения / В. Соловьев. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 352 с.
5. *Цимборска-Лебода М.* Эрос в творчестве Вячеслава Иванова. На пути к философии любви / М. Цимборска-Лебода. – Томск ; М. : Водолей Publishers, 2004. – 256 с.

Воронежский государственный университет

Битюцкая А. А., аспирант факультета философии и психологии

E-mail: alla-bituzk@mail.ru

Voronezh State University

Bityutskaya A. A., Post-graduate Student of the Philosophy and Psychology Faculty

E-mail: alla-bituzk@mail.ru